

«Я жажду жить и живу... тысячами чужих жизней»: мультимифологизм в ономастическом коде И. А. Бунина-поэта

Ольга Александровна Селеменова, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Россия, Елец), ol.selemenewa2011@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724050095

аннотация: В статье рассматривается вопрос проявления мультимифологизма как характерной черты художественного мировоззрения И. А. Бунина на уровне индивидуально-авторского поэтического мифонимикона. Выявленные проприальные единицы отсылают к персонажам (богам, волшебникам, героям, фантастическим птицам и животным), локусам, волшебным предметам из мифологий древних греков и римлян, шумеров и аккадцев, индийцев и иранцев, а также египтян, скандинавов, славян. Отмечено, что организация звукового строя поэтической речи И. А. Бунина обеспечивается регулярными графико-фонетическими трансформациями мифонимов, а уникальность ономастического кода его лирических текстов создается включением особых мифонимов-билексем, онимизированных апеллативов, мифологических имен с низким уровнем прецедентности, окказиональных единиц. Установлено, что И. А. Бунин подчиняет традиционные сакральные генеалогии индивидуально-авторской картине мира, сопрягает и одновременно использует для экспликации философско-символического подтекста стихотворений, репрезентации ключевых мотивов, бинарных оппозиций мифонимы, принадлежащие разным национальным

мифологическим ономастиконам. Автор приходит к выводу, что все лексические единицы бунинского поэтического мифонимикона связаны единой мировоззренческой установкой, направленной, с одной стороны, на преодоление автономности культурных миров, с другой — на сохранение культурного плюрализма.

ключевые слова: поэзия И. А. Бунина, этнические мифы, ономастикон, мифоним, семантика, текстовые связи

для цитирования: Селеменова О. А. «Я жажду жить и живу... тысячами чужих жизней»: мультимифологизм в ономастическом коде И. А. Бунина-поэта // Русская речь. 2024. № 5. С. 108–118. DOI: 10.31857/S0131611724050095.

The Language of Fiction

“I Desire to Live and Live... Thousands of Other Lives”: Multimythologism in I. A. Bunin’s Onomastic Code

Olga A. Selemeneva, Bunin Yelets State University (Russia, Yelets), oLselemeneva2011@yandex.ru

ABSTRACT: The article considers the manifestation of multimythologism as a characteristic feature of I. A. Bunin’s artistic worldview at the level of the individual author’s poetic mythonymicon. The paper identifies lexical units referring to the characters (gods, wizards, heroes, fantastic birds and animals), places, magic objects of the mythologies of the ancient Greeks and Romans, Sumerians and Akkadians, Indians and Iranians, as well as Egyptians, Scandinavians and. It is noted that the organization of the sound system of I. A. Bunin’s poetic speech is provided by regular graphic-phonetic transformations of mythonyms, and the uniqueness of the onomastic code of his lyrical texts is created by the inclusion of special mythonyms-bilexemes, onymized appellatives and mythological names with a low level

of precedent and occasional units. It is established that for explication of philosophical and symbolic subtexts, representation of key motives and binary oppositions I. A. Bunin subordinates traditional sacral genealogies to the author's individual picture of the world, matches and simultaneously uses mythonyms belonging to different national mythological onomasticons. The author comes to the conclusion that all the lexical units of Bunin's poetic mythonymicon are connected by a single ideological attitude, aimed, on the one hand, at overcoming the autonomy of cultural worlds, and on the other hand, at preserving cultural pluralism.

KEYWORDS: I. A. Bunin's poetry, ethnic myths, onomasticon, mythonym, semantics, textual connections

FOR CITATION: Selemenewa O. A. "I Desire to Live and Live... Thousands of Other Lives": Multimythologism in I. A. Bunin's Onomastic Code. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 5. Pp. 108–118. DOI: 10.31857/S0131611724050095.

Основой бунинского художнического видения, писательской техники служит целый комплекс характерных черт: предметная изобразительность, открытая медитативность, импрессионистичность, сила колористического чувства, особая эклектичность, контрастность. В этот ряд с полным правом можно включить нарочитое смешение образов и ценностно-смысловых идей различных религиозно-философских течений и национальных мифологий.

Неиссякаемый интерес к иным этническим культурам и жажда жить «прошлым всей истории всего человечества со всеми странами его» [Дубовиков, Макашин (ред.) 1973: 386] формировались у И. А. Бунина постепенно: первое знакомство со Священным Писанием в Елецкой мужской гимназии, потом — изучение «Жития святых православной церкви» И. Бухарева, древнееврейского Устного закона, Корана, буддийского канона Сутта-Нипата, трудов А. А. Олесницкого, К. фон Тишендорфа, Е. В. Барсова, путешествия в Алжир, Грецию, Италию, Египет, Палестину, Турцию, на Балканы, Цейлон и т. д. Синтез разновременных культурных пластов, ценностных доминант западной и восточной макрокультур обнаруживается в ономастическом пространстве художественных текстов писателя, особенно ярко проявляясь на уровне поэтического мифонимикона, что вполне закономерно, ведь именно поэтический текст делает акцент на

субъекте и особенностях его, индивидуально-авторского, видения мира. В нем онимы становятся теми ключевыми словами, которые обеспечивают и целостность текста, и реализацию «вертикальных» связей, и единство авторского голоса.

В научном издании лирики И. А. Бунина, осуществленном Т. М. Двинятиной в 2014 г. [Бунин 2014], нами было зафиксировано более 270 мифологических имен. Источником значительной их части наряду со священными текстами монотеистических и политеистических религий, славянским фольклором выступает мифологическое наследие разных этносов. Так, в художественной картине мира Бунина-поэта присутствуют мифологические имена, отсылающие к текстам греко-римских, индийских, иранских, древнеегипетских, германо-скандинавских, славянских и шумеро-аккадских мифов: *Анубис, Ваал, Геймдаль, Датар, Кассандра, Киприда, Ксисутрос, Митра, Нэбо, Перун, Посейдон, Ра, Сем, Сибиλλα, Феб* и др.

Мифонимы становятся явными доминантами языкового уровня и регулярно отмечаются в самой сильной позиции в структуре поэтического текста — заглавии: «Ормузд» (1904), «Агни» (1905), «Бальдер» (1906), «Истара» (1906), «Один» (1906), «Тезей» (1907), «Гальциона» (1908), «Конь Афины-Паллады» (1916), «Морфей» (1922) и др. Выступая интертекстуальными единицами, такие мифонимы отсылают либо сразу к конкретному претексту, либо к религиозно-мифологической традиции в целом. В первом случае знакомый читателю мифологический сюжет эксплицирован в основной части стихотворения, во втором — редуцирован. Например, составной мифохремотоним *Конь Афины-Паллады* в одноименном стихотворении как результат лексической субституции фраземы «*троянский конь*» служит указанием на конкретный финальный эпизод Троянской войны, когда ахейцы после длительной и безуспешной осады легендарного города-крепости прибегли к обману. У И. А. Бунина подробно изображается сцена восхищения даром данайцев: *Запели жрецы, распахнулись врата — восхищенный / Пал на колени народ: / Чудовищный конь, с расписной головой, золоченый, / В солнечном блеске грядет* [Бунин 2014б: 155]. А вот другое мифологическое имя — теоним *Агни* — лишь отсылает к ведийской и индуистской мифологиям, где референтом имени выступал земной бог огня, посредник между богами и людьми [Токарев (гл. ред.) 1998а: 35]. В лирическом тексте конкретный мифологический сюжет не воспроизводится, а традиционный образ Агни, персонификации священного огня, сопрягается с образом бога, который поражал тьму: *Но мне легко: ты, Агни светлокрылый, / Спасешь меня, разъединишь со тьмой* [Бунин 2014а: 307]. Такая двойственность природы Агни характерна и для религиозных гимнов «Ригведы», в которых, с одной стороны, он ассоциировался с солярным богом, озаряющим все вокруг светом,

с другой — огнем жертвенного костра [Волошина 2013: 177–178]. В бунинском стихотворении теоним Агни распространяется постпозитивной атрибутивной словоформой «светлокрылый». В известном памятнике индийской литературы в качестве постоянных эпитетов верховного божества тоже использовались лексемы, содержащие сему ‘свет’ (jyotiranika — ‘светоликий’; svardrś — ‘подобный солнцу, светоносный’; viśvaśuc — ‘все озаряющий’ и др.), а цветовой код бога ведийского пантеона представлял «в спектре блестящих, светлых, золотистых цветов» [Там же: 177, 181]. Так что здесь Бунин-поэт остается верен существующей мифологической традиции и транслирует читателю через языковую семантику уже имеющиеся культурные смыслы.

Для организации звукового строя художественной речи, выстраивания тех самых «вертикальных» связей стихотворений, которые создаются благодаря рифме, ритмическим вариациям метра, И. А. Бунин прибегает к различным графико-фонетическим трансформациям мифологических имен из национальных мифов. Например, в стихотворении «Потоп. Халдейские мифы» (1905) теоним *Роману́*, называющий бога атмосферных явлений в шумеро-аккадском пантеоне, используется вместо *Рамманъ*, обнаруживаемом в энциклопедическом словаре под редакцией К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского [Арсеньев, Петрушевский (ред.) 1899: 255]: *А утром / Поднялся вихрь — и тучи охватили / Из края в край всю землю. Роману / Гремел среди небес. Нэбо и Сарру / Согласно надвигались по долинам...* [Бунин 2014а: 286]. Именно такой графико-фонетический вариант мифонима помогает в создании рифмы (*Роману́ — Сарру́*) и выражает, вероятно, те самые «минорные» тоники (O + Y), которые, хотя и незначительно, но преобладают в эмоциональном фоне бунинской поэзии вследствие наличия тем одиночества и смерти [Павлюченкова 2011: 13]. В другом стихотворении — «Эльбурс. Иранский миф» (1905) — *Язатов*, добрых помощников верховного зороастрийского бога Ахурамазды [Токарев (гл. ред.) 1998б: 681], И. А. Бунин именует *Иазатами*, тем самым максимально сближая написание мифонима с произношением. Звуковой повтор в мифологическом имени гласного А служит иллюстрацией тезиса об индивидуально-авторской цветовой символике звука у Бунина-поэта [Павлюченкова 2011: 16]. Звук А относят к «красным», а Язаты в зороастрийском пантеоне как раз были в основном связаны с небесным огнем, пламенем. В целом в художественной картине мира Бунина-поэта подобные примеры имен персонажей этнических мифологий, отличающихся своим графико-фонетическим обликом от зафиксированных в русскоязычных словарях, справочниках и энциклопедиях, не единичны: *Геймдалъ* ← *Хеймдалль*, *Истара* ← *Иштар*, *Хаду* ← *Хёд* и др. Большая часть таких мифонимов в языковых картинах мира других отечественных

авторов не встречается. Так, по данным основного подкорпуса НКРЯ, из перечисленных в приведенном выше ряду единиц обнаруживаем лишь *Истар* (без конечного *а*) у А. Белого, В. Я. Брюсова, Н. С. Гумилева.

Некоторые мифонимы бунинской картины мира настолько малоизвестны, что даже их референт невозможно однозначно определить. Например, в бунинском стихотворении 1907 г. «Каир» обнаруживаем мифоним *Апит*. НКРЯ и энциклопедические словари не дают соответствий. В комментариях, подготовленных Т. М. Двинятиной к научному собранию лирики И. А. Бунина, отмечается, что *Апит*, он же *Апис*, — бог плодородия в древнеегипетской мифологии [Бунин 2014б: 377]. Однако в работах британского востоковеда У. Баджа мифоним *Апит* именуется иное божество — богиню-мать с телом гиппопотама, являющуюся союзницей бога ярости и разрушений: «Союзницей Сета была богиня Апит (гиппопотам)» [Бадж 2009: 200]. Поэтому полагаем, что Бунин-поэт сознательно выбрал для моделирования своей индивидуально-авторской картины мира, основой которой выступали традиционные бинарные онтологические, аксиологические и перцептивно-аксиологические оппозиции «жизнь — смерть», «добро — зло», «свет — тьма», мифоним *Апит* и не прибегал к трансформациям графико-фонетического облика другого проприального имени — *Апис*.

Редкие для отечественного читателя мифонимы в языке поэзии И. А. Бунина — лишь одно из свидетельств его глубокого знания сюжетов и персонажей национальных мифологий. Ключевые идеи культовых мифов фиксируются в сложных мифонимах. Такие единицы представлены следующими моделями: «онимизированный апеллатив (имя нарицательное, перешедшее в контексте в имя собственное) + имя собственное» (мифонимы *Ястреб-Гор*, *Шакал-Анубис* в стихотворении «За гробом» (1906)) и «имя собственное + имя собственное» (*Ра-Озирис* в стихотворении «Ра-Озирис, владыкя дня и света...» (1905)). В первом случае апеллативы, входящие в состав сложных мифонимов, аккумулируют зооморфные представления о древнеегипетских богах и служат средством авторской оценки образа, а во втором — собственные имена *Ра* и *Озирис*, выступая как композитивное образование, фиксируют идею единственного бога. При устоявшемся мнении о политеизме древних египтян мысль почти кощунственная. Но именно здесь, называя «*владыку дня и света*» Ра-Озирисом, И. А. Бунин оказывается фактологически точен. Уже упомянутый нами выше египтолог У. Бадж пишет: «Старый Гор, Ра и Осирис — это имена, которыми египтяне в разные периоды своей истории называли солнце. Именно солнце было их единственным богом, они всегда хранили ему верность и в этом смысле являлись настоящими монотеистами» [Бадж 2009: 16].

Фоновые знания И. А. Бунина о референтах мифонимов из разных источников обуславливают появление особых контекстуальных единиц в индивидуально-авторской картине мира. Например, простые контекстуальные имена *Свет*, *День*, *Огонь* и сложное *Владыка Света* замещают в стихотворении «Ормузд» (1904) имя верховного божества зороастрийского и ахеменидского пантеонов — *Ормузда*, а демононим *Тьма* — имя духа *Аримана*, воплощающего зло.

Единицы бунинского мифонимикона не существуют изолированно друг от друга. Они находятся в постоянном взаимодействии, которое определяется необходимостью подчинить представленную сакральную генеалогию мифологических персонажей, часто связанных семейно-родственными отношениями, индивидуально-авторской художественной картиной мира. Например, в стихотворениях «В сумраке утра проносится призрак Одина...» (1903), «Один» (1906), «Бальдер» (1906), «Геймдаль искал родник божественный...» (1906) обнаруживаем теонимы *Один*, *Бальдер*, *Хаду*, *Геймдаль*, *Локи* и мифоорнитоним *Хугин*, реализующие генеалогические связи и отсылающие к германо-скандинавским мифам. В мифах Один выступал верховным богом, побратимом Локи, отцом Бальдра (в лирике И. А. Бунина — Бальдера), Хёда, Хеймдалля, он скакал на восьминогом жеребце Слейпнире, а его спутниками были хтонические птицы Мунин и Хугин. Хотя И. А. Бунин редуцирует скандинавские сюжеты, определенные традиции в изображении центральных образов все же сохраняются. Ведь блеснувший «в туманах Лохлина шлем золоченый» [Бунин 2014б: 27], плащ, меч и конь подчеркивают ипостась Одина-воина, а черный ворон — ипостась Одина-шамана, колдуна. Однако ворон этот, согласно мифам, должен носить имя Мунин, а у Бунина-поэта он Хугин, «скорбной Памяти детище» [Там же: 27]. В контексте происходит явное смешение птиц мудрого владыки Асгарда — Мунина, «помнящего», и Хугина, «мыслящего». Так мифоорнитоним *Хугин* прямо, а теоним *Один* опосредованно становятся лексическими средствами экспликации мотива культурно-исторической памяти, выступающей онтологической основой всего творчества И. А. Бунина. Кроме этого, утверждаемое в скандинавской эсхатологии полярное противопоставление *Один* — *Локи* (о нем подробно пишет Е. М. Мелетинский, интерпретирующий скандинавские мифы [Мелетинский 1975]) у Бунина-поэта полностью снимается, а антагонистом темного *Локи* становится светлый *Бальдер*.

В художественной картине мира И. А. Бунина взаимодействуют мифонимы, принадлежащие не только одному национальному мифологическому ономастикону, но и разным. Подобное отмечается при репрезентации бинарных оппозиций, интегрирующих историко-философский, этнокультурный, субъективно-психологический и другие аспекты

стихотворного текста и отражающих авторское мировосприятие. Например, перцептивно-аксиологическая оппозиция «свет — тьма», которая у Бунина-поэта регулярно трансформируется в «огонь — тьма», представлена группой теонимов, принадлежащих к четырем пантеонам: скандинавскому (*Бальдер, Локи, Хаду*), древнеегипетскому (*Ра, Ра-Озирис, Сет*), иранскому (*Датар, Митра, Ормузд*) и индийскому (*Агни*). Теонимы объединяются, с одной стороны, семами 'хитрость', 'злокозненность', 'отсутствие света', 'дурное' (*Локи, Хаду, Сет*) при репрезентации правого члена указанной оппозиции, с другой — 'солнечный', 'возрождение', 'день', 'горение' (*Бальдер, Ра, Ра-Озирис, Митра, Ормузд, Агни, Датар*) при маркировании левого члена. При этом в контексте некоторые из них, вступая в синтагматические связи с другими словами, демонстрируют качественное изменение семантики с целью приспособления к индивидуально-авторской картине мира. Так, *Митра* (авест. *Miθra* — букв. «согласие», «договор») в древнеиранском пантеоне богов в своей первичной функции был связан с идеей мира, сотрудничества [Токарев (гл. ред.) 1998б: 154]. Однако в бунинском стихотворении «Эльбурс. Иранский миф» указанная функция бога вторична, а первична солярная функция, которая в авестийской мифологии не считалась основной. В контексте теоним *Митра* координируется с глагольной формой *восходит* со значением 'подниматься, появляться над горизонтом (о небесных светилах)' [Евгеньева (ред.) 1985: 218]: *И Митра, чье святое имя / Благословляет вся земля, / Восходит первый между ними / Зарей на льдистые поля* [Бунин 2014а: 308].

Аккумулируя в своих значениях историко-философские и культурно-символические мировоззренческие смыслы, единицы бунинского мифонимикона обладают богатым потенциалом реализации текстовых связей на уровне микро- (контекст одного стихотворения) и макроконтэкстов (контексты нескольких стихотворений) с иными группами онимов: гидронимами, астронимами, оронимами, полисонимами, антропонимами, экклезионимами и т.д. Например, теоним *Митра* на уровне микроконтекста ассоциативно связан не только с мифонимом *Иазаты*, но и с оронимом *Эльбурс*, и топонимом *Иран*. Эти четыре онима — *Митра, Иазаты, Эльбурс* и *Иран* — становятся ключевыми лексемами стихотворения «Эльбурс. Иранский миф» за счет возможности формировать семантическое текстовое поле. Доминантной лексемой выступает ороним *Эльбурс*, обозначающий горную систему в форме латинской буквы S на севере Ирана, у южного побережья Каспийского моря. Ороним вынесен И. А. Буниным в заглавие и задает микротему, раскрывающуюся в основном тексте. Развертывание «горной» темы, входящей у Бунина-поэта в ориентальную тему, осуществляется за счет того, что онимы семантически притягивают

к себе слова, создающие единый смысловой контекст: *Эльбурс — лед, солнце, жизнь, небосвод; Иазаты — венец земли, вершина, туман; Митра — заря, льдистые поля, святое имя, златотканая риза, высота; Иран — пески, истоки рек, волнистые хребты гор*. Если апеллятивы и признаковая лексика, ситуативно и тематически связанные с мифонимами, используются для детализации геокультурного образа Ирана, то мифонимы отвечают за реализацию именно философско-символического аспекта текста. Благодаря их использованию Эльбурс предстает не столько реальным локусом, сколько сакральным, священным, неким центром мироздания, где высшим светоносным божеством выступает Митра. В результате в стихотворении воплощается мифолого-историческая концепция мира как вечной борьбы Света и Тьмы, Добра и Зла.

Влияние национальных мифологий на состав бунинского мифонимикона прослеживается даже при создании индивидуально-авторских единиц. Например, таков мифоорнитоним *Вирь* в одноименном стихотворении 1900 г. По мнению Т. А. Павлюченковой, *Вирь* является окказиональным образованием, результатом «усечения производящей основы» лексемы *свиристель* [Павлюченкова 2011: 25]. Однако полагаем, что указанный мифоорнитоним все же этимологически восходит к апеллятиву *вирь*, который фиксируется в эрзянском и мокшанском языках в значении 'лес' [Коляденков, Цыганов 1949: 53–54; Щанкина 1993: 29]. Более того, в словарях литературных языков Мордовии отмечена лексема *вириява* (букв. 'лесная женщина'), которой в мифологии именовали божество леса, его хозяйку, имеющую антропоморфный облик. В XVII–XIX вв. под влиянием христианства и демонологии образ Вириявы приобрел отрицательные черты — «признаки лесной нечистой силы», угрожающей человеку, опасной для него [Юрченков, Зубков (ред.) 2013: 169–170]. Бунинская птица аспидного цвета как раз живет в сумрачном лесу, своими песнями она зачаровывает путников, увлекая их в чашу, обрекает на гибель. Сделанный вывод о влиянии мордовской мифологии на появление в художественной картине мира И. А. Бунина лексемы *Вирь* подтверждается и литературоведом Т. М. Двинятиной, которая в кратких комментариях к научному изданию поэзии автора указала на связь птицы Вирь «с персонажем мордовской мифологии Вирь-авой» [Бунин 2014а: 476].

В целом бунинский мифонимикон выступает примером хорошо упорядоченной системы имен собственных. Хотя его единицы и принадлежат к разным национальным мифологическим ономастикомам (обнаруживаются образы и сюжеты, а значит и имена из греко-римских, шумеро-аккадских, индийских, иранских, древнеегипетских, германоскандинавских, славянских мифов), связаны они между собой важной индивидуально-авторской мировоззренческой установкой, которая

направлена, с одной стороны, на преодоление обособленности культурных миров, с другой — на сохранение культурного плюрализма. Используя традиционные образы и сюжеты, Бунин-поэт обогащает их новыми смыслами и творит свой собственный миф, в котором разные эпохи и этнические культуры ведут непрерывный диалог. Система мифологических имен, функционирующих в текстах писателя, служит своего рода языковым инструментом включения ценностей локальных национальных культур в художественно-эстетическую парадигму писателя.

Источники

Арсеньев К. К., Петрушевский Ф. Ф. (ред.). Энциклопедический словарь. Т. XXVI. Рабочая книжка — Резолюция. СПб.: Типография акц. общ. «Издательство, бывшее Брокгауз-Ефронъ», 1899. 480 с.

Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014а. 544 с.; Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014б. 544 с.

Коляденков М. Н., Цыганов Н. Ф. Эрзянско-русский словарь / Под ред. Д. В. Бубриха. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. 292 с.

Литература

Бадж У. Древний Египет: духи, идолы, боги. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 478 с.

Волошина О. А. Три цвета Агни (на материале гимнов Ригведы) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2013. № 17. С. 176–186.

Дубовиков А. Н., Макашин С. А. (ред.). Литературное наследство: Иван Алексеевич Бунин. Т. 84. Кн. 1 / При участии Т. Г. Динесман. М.: Наука, 1973. 696 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А–Й. М.: Русский язык, 1985. 696 с.

Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского государственного университета. 1975. Т. 7. Вып. 365. С. 38–51.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.01.2023).

Павлюченкова Т. А. Фонетические и лексические средства языка поэзии И. А. Бунина и их функционально-семантическое взаимодействие: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 34 с.

- Токарев С. А. (гл. ред.). Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. А–К. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998а. 672 с.; Т. 2. К–Я. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998б. 720 с.
- Щанкина В. И. Мокшень-рузонь валкс — Русско-мокшанский словарь. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993. 448 с.
- Юрченков В. А., Зубков И. В. (ред.). Мордовская мифология: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. 484 с.

References

- Badzh U. *Drevnii Egipet: dukhi, idoly, bogi* [Ancient Egypt: spirits, idols, gods]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009. 478 p.
- Dubovikov A. N., Makashin S. A. (eds.). *Literaturnoe nasledstvo: Ivan Alekseevich Bunin* [Literary legacy: Ivan Alekseevich Bunin]. Vol. 84 (1). Ed. by T. G. Dinesman. Moscow, Nauka Publ., 1973. 696 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 1. A–I* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. Vol. 1. A–I]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 696 p.
- Meletinskii E. M. [Scandinavian mythology as a system]. *Trudy po znakovym sistemam. Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1975, vol. 7, iss. 365, pp. 38–51. (In Russ.).
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 11.01.2023).
- Pavliuchenkova T. A. *Foneticheskie i leksicheskie sredstva iazyka poezii I. A. Bunina i ikh funkcional'no-semanticheskoe vzaimodeistvie*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Phonetic and lexical means of the Language of I. A. Bunin's poetry and their functional-semantic interaction. Dr. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2011. 34 p.
- Shchankina V. I. *Mokshen'-ruzon' valks — Russko-mokshanskii slovar'* [Russian-Moksha dictionary]. Saransk, Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1993. 448 p.
- Tokarev S. A. (ch. ed.). *Mify narodov mira*. Entsiklopediya: v 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., 1998a, 672 p.; Vol. 2. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., 1998b, 720 p.
- Voloshina O. A. [Three colors of Agni in the Hymns of Rig Veda]. *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, 2013, no. 17, pp. 176–186. (In Russ.)
- Yurchenkov V. A., Zubkov I. V. (eds.). *Mordovskaya mifologiya: entsiklopediya: v 2 t. T. 1. A–K*. [Mordovian mythology: encyclopedia: in 2 vol. Vol. 1. A–K]. Saransk, Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia Publ., 2013. 484 p.